

МЕСТО
ДЕЙСТВИЯ
ПУБЛИЧНОСТЬ
И РИТУАЛ
В ПРОСТРАНСТВЕ
ПОСТ-
СОВЕТСКОГО
ГОРОДА

ИЛЬЯ
УТЕХИН

Илья Утехин

**Место действия. Публичность
и ритуал в пространстве
постсоветского города**

«Strelka Press»

2012

Утехин И. В.

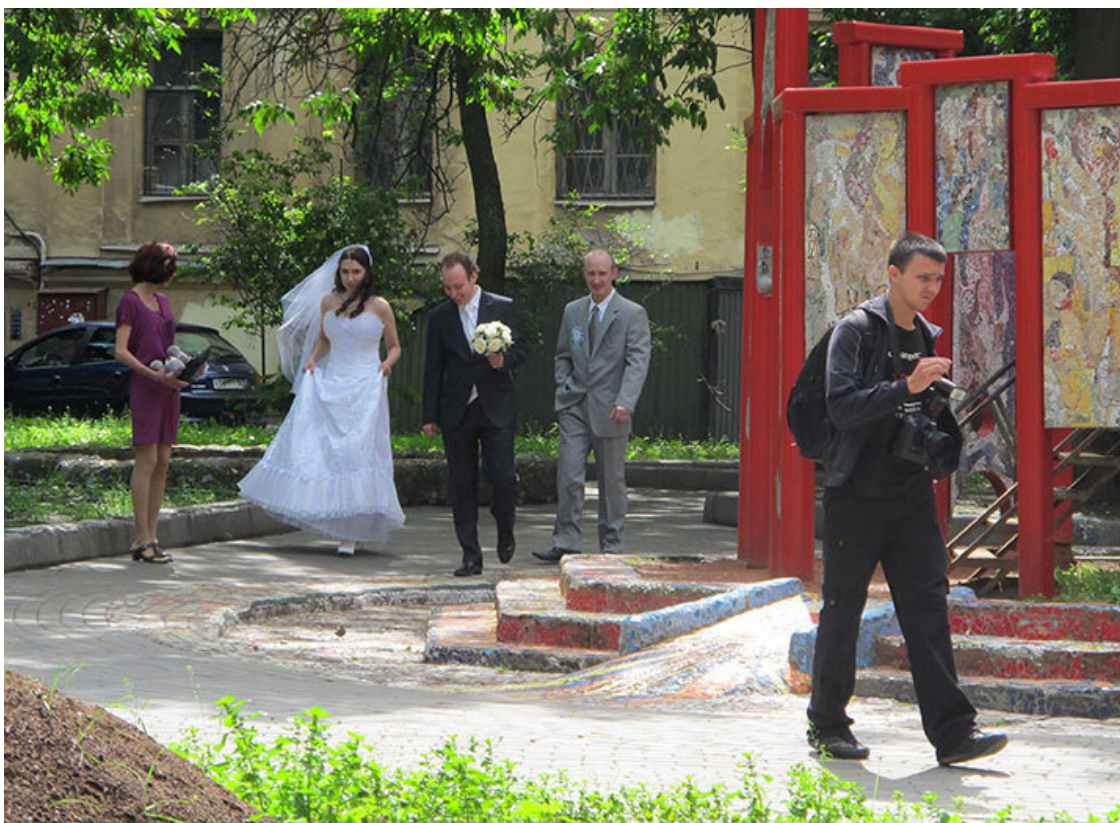
Место действия. Публичность и ритуал в пространстве
постсоветского города / И. В. Утехин — «Strelka Press», 2012

Насколько легко человек прочитывает в городском ландшафте связность его отдельных элементов и воображает себе некую целостную и осмысленную картину места. Что делает такое считывание смысла более удобным и органичным? Что создает для этого предпосылки в организации городской среды? Эссе Утехина представляет собой удавшуюся попытку рефлексии над природой и подвижными границами публичного пространства: «Хотя мы и называем эти места общественными, повсюду в них публичное и приватное не разделены – в том смысле, что и на площади друзья, стоя в кругу, образуют своим разговором и расположением вполне приватную пространственную конфигурацию. Оказавшись в публичном месте, люди зачастую „разбивают лагерь“, присаживаются, чтобы заняться своим делом на этой временно оккупированной территории. Разложив свои вещи и тем самым маркировав это временное "свое", они не ожидают чужих за своим столиком, отодвигаются от соседа по скамейке, а прежде чем "приземлиться", спрашивают уже сидящего рядом, не возражает ли он».

Илья Утехин

Место действия. Публичность и ритуал в пространстве постсоветского города

Водитель даже не стал пытаться заехать во двор: огромный розовый лимузин все равно не смог бы. Так что свадьба в полном составе, повылезав из автомобилей, пошла пешком – и направилась в глубь двора, вдоль рядов припаркованных машин.

Молодожены идут по двору к месту фотографирования. Улица Чайковского, 2. 2012

Таких сложноустроенных внутриквартальных пространств в центре Петербурга много, потому что изначально в этом построенном по плану городе были предусмотрены большие расстояния между улицами, и внутри этих крупных пятен застройки складывалась своя жизнь. Ряды деревянных сараев снесли с введением центрального отопления в 1950-х, а вот типичные для центра Петербурга дворы-колодцы никуда не делись. Целый квартал дворов. Там, где соседи и арендаторы не договорились еще между собой и не поставили шлагбаум, все густо и бесконтрольно уставлено машинами.

С советских времен со стены ностальгически смотрит табличка: «Тов. водители! При погрузке и разгрузке просим вас выключать двигатели авто». И подпись: «ГАПУ». Приходится справиться в Интернете, что значат эти «Г» и «А»; предлагаемая версия не вполне убедительна: «Главное аптечное управление»... Откуда бы в этом дворе аптечное управление, тем более главное? Любопытно было бы переписать все надписи, вывески и таблички какого-нибудь публичного места, не исключая рекламы и граффити, чтобы затем разложить их по полочкам классификации. Такая классификация заставила бы нас задуматься о том, чьими голосами говорят эти надписи, кому они адресованы, насколько они полномочны регулировать наше поведение

своими извещениями, призывами, предложениями и запретами. Язык живет своей жизнью в пространстве города.

Невеста приподнимала платье над апрельской слякотью. Можно было подумать, что они тут живут и приехали домой. Но на следующий день я увидел здесь еще одну свадьбу, которую дворовыми закоулками вели фотограф и видеооператор – главные специалисты по ритуалу. Именно они управляют ходом церемонии, расставляют участников, режиссируют мизансцены. Что касается молодоженов и сопровождающих лиц, то они, кажется, более всего озабочены вписанием себя в историю. А поскольку предполагается, что по-хорошему свадьба случается раз в жизни, то и птичка должна вылететь «как надо».

Но почему во дворе? Должно быть, здесь есть что-то, что увлекает часть брачующихся граждан с традиционных маршрутов. Но прежде хотелось бы выяснить, в чем привлекательность самих этих маршрутов. Кстати, применительно к советскому свадебному обряду в Ленинграде известно, кто и когда предложил тот канон, который с середины 1950-х годов воспроизводился в торжественном бракосочетании и в том, что за ним следовало, – в том числе и в посещении молодоженами местных достопримечательностей.

Социолог и основатель Европейского университета Б.М. Фирсов был в 1956–1959 годах еще не исследователем, а сугубым практиком – секретарем Ленинградского обкома ВЛКСМ; именно ему довелось трудиться над созданием этого обряда. Места, куда с тех пор направлялись молодожены, символически нагружены: это памятники культурным героям-основателям, которые, подобно мифологическим прародителям, как бы осеяют своей аурой новую «ячейку общества». Ведь эта новая ячейка создается не в вакууме, а в конкретном городе, где молодоженам, весьма вероятно, предстоит жить и дальше, выращивать потомство. Поклонение местным святыням органично встраивается в обряд, актуализирующий культурную память и идеологически выверенные ценности. С тех пор и Медный всадник, и Марсово поле входят в стандартный свадебный маршрут по центру города.

На Марсовом поле поклоняются фактически могилам: гранитный мемориал с Вечным огнем, зажженным в 1956 году, посвящен «жертвам Революции», которых обычный человек плохо идентифицирует. Вскоре после того как Луначарский сочинил высеченные в камне вокруг огня поэтические строки, «жертвы» перестали считаться чем-то достойным почитания, и их в советской мифологии повсеместно заменили «герои». Погибшие герои Революции были сравнительно немногочисленны и по большей части не слишком известны – и уж тем более они отошли на второй план по сравнению с героями и жертвами войны и блокады, памяти которых в Ленинграде был посвящен Вечный огонь в другом месте, на Пискаревском мемориальном кладбище.

Туда молодожены не ездят. Но если не ограничиваться Петербургом и погуглить «молодожены у памятника», можно найти картинки, запечатлевшие новобрачных у самых разных монументов. У памятника Ленину, у мемориала павшим в боях Великой Отечественной, просто у стоящего на постаменте танка. Сами участники обряда могут и не задумываться о том, кому именно посвящен памятник; они приезжают сюда только потому, что «так принято», и потому, что здесь можно будет красиво сфотографироваться. Конечно, это никак не отменяет символической связи с сакральным, включенной в само устройство обряда, но в современном свадебном ритуале важнее другое. Памятник маркирует некий локус публичного пространства, выключает его из обыденности, придает ему особую прагматику. Теперь здесь выделенное пространство ритуала. В конце концов, здесь и «просто красиво»: это место, возможно, – одно из немногих в округе, где царит какой-никакой, но отчетливый стиль и порядок. В отличие от окружающего, вполне повседневного жилого или индустриального пейзажа, состоящего из объектов, которые не воспринимаются как эстетически выделенные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.